

Ульяновск. Венец. 1956. Фото автора

молодой специалист. На душе тоска и слякоть. «Не бз.. в лукошко, – шипит мне усатый парень, – не вешай ж... кошелём. Отпустят!»

И вот мы у комендатуры, на каком-то пригорке около коричневого барака. Весна, солнышко, зеленющие ростки травы, серые будылья прошлогоднего бурьяна. Холодный ветерок с Волги. Приказано ждать коменданта. Наконец открывается дверь комендатуры и на крыльцо выходит пожилой капитан в накинута на плечи кителе, из-под которого видна казённая нательная рубашка. Лицо коменданта доброе, распаренное, симпатичное. Он вытирает платком шею и, улыбаясь, говорит нам:

– Ну что это вы, ребятушки? Ведь знали, поди, что езда на товарняках подсудна, а нарушили. Как нехорошо, как нехорошо! Ведь и опасно. Сколько людей гибнет под колёсами. А вы все молодые. Жить да жить. Эх, вы! Головы садовые! Ну что с вами делать-то мне – старику. Я вот что вас попрошу, голуби мои: не делайте больше этого, Христа ради. Ладно, а?

– Да, да, – дружно выдохнули мы, – простите нас, товарищ капитан! Больше не будем. Не будем больше!

– Документы-то у вас есть ли? То-то и оно.

Я поспешно вытащил выдавший виды ученический билет, а мой рыжеусый покровитель – военный. Капитан прошёлся перед нами усталой походкой, покачал головой и тихо сказал недовольному старшине: «Отпусти их... Идите, ребятушки. Больше не попадайтесь. Ступайте, ступайте». И сразу «всё стало вокруг голубым и зелёным». Необыкновенный прилив радости охватил меня с головы до пят. Не прошло, наверное, и получаса, как с ловкостью натренированного барса я запрыгнул на корму отвалившего от пристани грузового парома и затерялся среди конных повозок, тачек, лошадей, цыган, мешков и мешочников...

Старый добрый буксир – колёсник царской постройки! В молодости ты, наверное, таскал баржи от Астрахани до Рыбинска, а в моё время в «предпенсионном возрасте» завершал свою карьеру в качестве парома, курсируя между берегами Волги в бывшем Симбирске, переименованном в Ульяновск.

Память, память. Капризная, избирательная, ненадёжная. Паром и поезда были для меня самыми приемлемыми средствами переправы. Альтернативой могли быть частные моторные лодки и только

что появившиеся на линии речные трамвайчики – «омики». Увы, ни то ни другое было не по карману.

В моё время в Ульяновске строился автомобильный мост через Волгу путём пристроя к существующему железнодорожному. Мост строили эки и гражданские специалисты. По слухам, эки, клепая конструкции, иногда срывались и, падая на лёд, погибали. Инженеры-мостостроители носили почти такую же форму, как морские офицеры. Разница была только в том, что звёздочки на серебряных погонах располагались в ряд, просветы были зелёными, а на фуражках вместо кокард – «молоточки». Мне – обормовцу – эта красивая форма очень нравилась. В то время в Ульяновске был пущен трамвай и построен шикарный железнодорожный вокзал Ульяновск I, который сейчас является архитектурным памятником пятидесятих годов прошлого века. Заканчивая эти сумбурные воспоминания «о себе любимом», хочу сказать, что всё это субъективно. Это лишь память! Память далеко не лучшего выпускника лучшего ульяновского техникума. И не это главное.

Главным является желание написать о моих наставниках, перед которыми через много-много лет склоняю свою голову. Хочу отметить каждого из них поимённо, как они мне запомнились. И для того, чтобы не пропустить кого-либо, я воспользуюсь «Выпиской из семестровых и экзаменационных ведомостей» к диплому, выданному мне в 1955 году. Делаю я это потому, что о важности работы учителя (преподавателя) говорится много-много. Но только говорится. Один раз в год... И совсем не случайно сказано: «Портретов их не видно, похожих не было и нет. Века их дорисуют, видно, недорисованный портрет».

Мои дорогие наставники

Итак... Вот они, мои дорогие наставники с их настоящими именами и фамилиями.

Историю СССР вёл у нас **Георгий Викторович Фишер**, представительный мужчина лет сорока пяти или чуть больше. И хотя времени прошло очень много (64 года), запомнился он мне хорошо. Георгий Викторович носил добротный тёмно-синий костюм, белоснежную рубашку с галстуком и всегда благоухал одеколоном «Красная Москва». Чуть выше среднего роста, худощав, черняв с проседью, чуть прихрамывал. Лицом был приятен, имел аккуратную причёску с пробором.

Как мне теперь кажется, Георгий Викторович имел огромный потенциал и мог бы преподавать в высших учебных заведениях. Он был строг, и мы его побаивались. Примечательно: он заставлял нас при подготовке к уроку составлять конспект по пройденному материалу. Составлять конспект мы не умели. Учиться этому не хотелось. А Георгий Викторович ставил «неуд» за отсутствие конспекта независимо от знания или незнания материала. Выглядело это так: вызываемый к доске предъявлял ему конспект и мог отвечать. В процессе ответа преподаватель просматривал этот «труд», одновременно выслушивая отвечающего. Конечно, это было «педагогическим хулиганством». Однако это было. И никто, как говорят теперь, «не возникал»

по этому поводу. Но в этом был и плюс. Кто хотел – научился, в конце концов, конспектировать, а кто не хотел – тупо переписывал текст учебника. Георгий Викторович преподавал нам не до конца курса, так как уволился из техникума по причинам, о которых говорить здесь не буду.

В моей душе он оставил очень тёплое воспоминание как один из самых лучших преподавателей. По истории я всегда имел хорошие оценки, а в «выписке» у меня красуется «отлично».

Русский язык и литературу вела у нас **Екатерина Павловна Кошко**. Она же была у нас классным руководителем до третьего курса. Это была уже немолодая женщина, очень скромная, но требовательная и отлично знавшая свой предмет. Как мне кажется, она любила своё дело. Запомнилась она мне тем, что за неделю и даже более до выдачи стипендии приходила к нам в пятую комнату общежития и раздавала займы деньги из своей скромной зарплаты. Материнским чутьём она угадывала, что мы в это время питаемся буквально хлебом и водой, и выручала нас. Делала она это весело, непринуждённо, просто и мило, говоря при этом: «На мои деньги нельзя купить «Победу» (легковой автомобиль того времени), но продержаться несколько дней можно». Деньги она давала отличнику Василию Зинину, который раздавал их тем, кто попросит. В день получения стипендии Василий возвращал долг Екатерине Павловне. Я никогда не брал этих денег, так как боялся «долговой ямы». Екатерина Павловна при случае отмечала мои успехи по литературе, но пеняла на то, что я путаюсь в знаках препинания. Оценила она мои познания в этих предметах на четыре («хорошо») и пять («отлично»).

Математику (с некоторыми элементами высшей математики) вёл у нас **Михаил Израйлович Митлин**. Это был плотный, коренастый мужчина лет сорока или даже меньше, вероятно, недюжинной физической силы. У него были умные, печальные глаза, крючковатый нос, тонкие губы и редкие рыжеватые волосы на голове и, наоборот, обильная растительность на других частях его могучего тела. Это был прекрасный специалист, великолепно владеющий как материалом, так и методикой преподавания. Запомнился Михаил Израйлович еврейским акцентом, хладнокровием, тонким юмором («Осыпов, Ви что плетётесь к доске, как на виселицу») и философскими афоризмами («Каждый слесарь – человек, но не каждый человек – слесарь» или «Забывчивость – очень хорошее свойство», «Миллион без копейки уже не миллион» и т. д.). Распрощались мы с ним после второго курса, встречались только в коридорах здания на переменах, всегда здоровались с ним, и он нас долго помнил. На четвёртом курсе, встретив нас с Эдиком Жигоцким на лестнице, Михаил Израйлович неожиданно воскликнул: «Жигоцкий! Какой Ви стали большой да хооший! Ви что? Не женились ещё?» И всё это на полном серьёзе, без тени улыбки. Мои математические страдания Митлин оценил на четвёрочку («хорошо»).

Следующий общеобразовательный предмет вёл у нас **Иван Никифорович Швалёв**. Лично для меня это был милейший человек. Запомнились его необыкновенная скромность, любовь к предмету и к нам. Впечатляла его лаборатория физики, в кото-

рой было так тепло и уютно, так чисто и красиво, что, казалось, Иван Никифорович там жил и никогда не отлучался. Такого оснащения лаборатории, как лаборатории физики, я никогда ранее не видел нигде, а позднее – только в городе Саратове, в авиационном техникуме. Иван Никифорович был задумчив и спокоен. Никогда он не повышал голоса и не делал нам обидных замечаний.

Запомнился скромный юбилей: 25-летие педагогической деятельности Ивана Никифоровича Швалёва. Нас собрали в спортзале техникума (это был одновременно и актовый зал). Говорились речи, вручались какие-то грамоты, дарились цветы, и в заключение дали слово юбиляру. Речь юбиляра мне запомнилась дословно: «А вот сказать-то о себе мне особенно и нечего». При этом юбиляр вертел в руках логарифмическую линейку, страшно стеснялся и краснел, но слушавшие его «речь» разразились бурными аплодисментами.

По физике Иван Никифорович оценил мои скромные познания на четыре («хорошо»).

Химию преподавала немолодая красивая интеллигентная женщина, приезжавшая к нам (как и некоторые другие преподаватели) из нагорной части Ульяновска. Моя память не сохранила её фамилии, имени и отчества. Очень жаль, но это печальный факт, который не могу исправить. Запомнилась её изящная одежда, такт, высокая культура. Говорили, что ранее она преподавала в средней школе железнодорожного ведомства, что и подтверждал носимый ею красивый нагрудный знак «Отличник жел. дорожного транспорта». Химию я никогда не любил, плохо разбирался в валентности. Но каким-то чудом сдал итоговый экзамен 31 мая 1952 года на отлично. Невероятно, но факт!

Очень важный, интересный и любимый мною предмет – черчение. Вёл его у нас **Георгий Николаевич Хохлов**, а помогал ему лаборант Шилов, имени и отчества которого не помню. Оба они остались в моей памяти необыкновенно доброжелательными людьми, трудолюбивыми, знающими, симпатичными. Шилов прошёл войну, имел боевые награды, но в то время никто из нас этого не знал. Казалось, оба они, как и физик Иван Никифорович Швалёв, жили в лаборантской и кабинете черчения. Георгий Николаевич был черняв, сухощав, лицом бледен и желтоват. Одевался хорошо, но тёмно-синий костюм его был всегда запачкан мелом (издержки профессии). Советское правительство выделяло огромные деньги на образование. Все чертёжные принадлежности, кроме копеечного ватмана и карандашей, были бесплатными. Готовальня, которой я пользовался в общежитии, была выдана мне под расписку. В общежитии мы тоже жили бесплатно и пользовались всем инвентарём, не задумываясь, во что это обходится государству.

А прошло-то всего шесть лет после величайшей катастрофы XX века – Великой Отечественной войны, в результате которой полстраны лежало в руинах и 30 миллионов трудоспособного (в основном) населения было уничтожено. Убит был и мой 27-летний отец, с первых часов войны оказавшийся «на передке».

Георгий Николаевич Хохлов учил нас настоящему и говорил, что в черчении нужна твёр-

дая рука. Однажды, наблюдая за моей работой, даже похвалил меня. Конечно, я старался. Мама жила за 150 километров от Заволжского района города Ульяновска, в Сурском районе на крайнем западе области. Железнодорожного сообщения туда не было, регулярных автобусных рейсов тоже, т. к. автомобильные дороги были грунтовыми. Нужна была стипендия, которую давали только тем, кто учился на хорошо и отлично. Забегая вперёд, а, именно когда я в 1964 году защитил диплом инженера-электромеханика в Куйбышевском политехническом институте, могу сказать, что чертежи мои были признаны лучшими и красовались перед входом на кафедру «Автоматизированный электропривод».

Наверное, здесь есть немалая заслуга Георгия Николаевича Хохлова, который обучал нас этому ремеслу по-настоящему, не жалея здоровья, сил и времени. В институте этому не учили. Лет двадцать спустя мы встретились с Георгием Николаевичем на одном из совещаний в г. Ульяновске, где я напомнил ему о своей скромной персоне. «Как же, как же. Помню, помню», – сказал он и светло улыбнулся (хотя, скорее всего, не помнил меня). Он был уже пенсионером, но продолжал работать, хотя в то время работающему преподавателю пенсия не выплачивалась...

Это была последняя встреча с ним. Больше судьба не подарила мне такого шанса. Поскупилась...

Мои усилия по черчению Георгий Николаевич оценил на четыре («хорошо»).

Немецкий язык нам преподавала **Софья Вацлавовна Залеская** – чопорная, ещё не старая женщина. Запомнились её круглые очки с толстыми стёклами и высокая причёска. Одевалась она экстравагантно, если не сказать эпатажно. Вероятно, поэтому, а возможно и потому, что она была нерусской, мы испытывали к ней некоторое отчуждение.

Она же была к нам холодна и относилась с нескрываемой иронией. Что крылось за этой иронией – узнать уже не суждено. Предмет этот в то время был, мягко говоря, непопулярным, немецкий считался языком врага. К тому же, как я полагаю, советская система обучения иностранному языку сводилась к тому, чтобы обучающийся по окончании курса не владел им. Это было как раз то, что нужно, т. е. в будущем исключались прямые контакты с иностранцами. Поэтому преподаватели иностранного языка в школе, техникуме и вузе (а меня «учили» немецкому языку в общей сложности 7–8 лет) ставили мне за незнание языка твёрдые четвёрки и со спокойной совестью провожали в «дальнее плавание». В этом смысле Софья Вацлавовна Залеская ничем не отличалась от моей школьной учительницы Натальи Спиридоновны. От их педагогических усилий в голове моей остались только: «Их бин, ду бист, плюсквам пэрфект» и обращение «Геноссе Осипофф». Вузовская «немка» вообще ничему не учила: раза два в неделю она приходила к нам в группу, раздавала листочки с немецким текстом, который мы должны были перевести дома, к такому-то сроку. У нас в вузе это называлось «сдавать тыщи». Таким образом, сдав свои «тыщи», я и тут получил четыре и вышел из этих

орденоносных заведений в части немецкого языка полным обалдуем.

Забегая вперёд, не могу умолчать о том, что по иронии судьбы мне пришлось плотно работать с немцами из ФРГ и шотландцами из Эдинбурга в г. Уфе в шестидесятые годы прошлого века. Как представитель заказчика я общался с шеф-инженерами Хансом Ресселем и Колином Джексоном через переводчицу, не принося никаких хлопот уфимским чекистам. Ну до чего же «правильные» учителя иностранного языка были у меня в школе, техникуме и вузе!

Но вернёмся в техникум. С ранее описанными и глубоко уважаемыми мною преподавателями Ульяновского механического техникума мы в первые 1,5–2 года учёбы прошли (в несколько ускоренном виде) курс «десятилетки» того времени. Дальше, начиная с четвёртого семестра (2-го курса), пошли спецдисциплины. Вновь я разворачиваю пожелтевшую от времени «выписку» и продолжаю свои записки.

К.И. Вдовченко

Теоретическую механику и сопротивление материалов преподавал нам **Никифор Иванович Вдовченко**. Он же и стал нашим классным руководителем до окончания учёбы. Было ему в то время, вероятно, лет под пятьдесят. Был он высоким, худощавым, лысоватым очкариком и, несмотря на желтоватое лицо, очень энергичным и подвижным. Кроме механики он преподавал нам электрические машины, элект-

трические подстанции и технику высоких напряжений. Кроме того, он читал лекции в Ульяновском сельхозинституте, который располагался в то время на Венце. Никифор Иванович любил приходить к нам долгими зимними вечерами в общежитие и рассказывал о том, как учился в 20-е годы прошлого века в институте на Украине (то ли в Полтаве, то ли в Харькове). Видел своими глазами легендарного героя гражданской войны Николая Щорса, упоминал о разрухе того времени, царящей на Украине, голоде и бандах Махно и Маруси. «Попьёшь, бывало, воды, – говорил он нам, – и спать ляжешь, а в животе кишка с кишкой разговаривают».

В последний год нашей учёбы он достроил свой дом в Заволжье, на Нижней Террасе, и рассадил там сад. Никифор Иванович был человеком добрым и отзывчивым. Мы запросто приходили к нему на консультации в его новый дом, где он с семьёй только что обосновался. Очень хорошо помню такой случай: однажды зимой после сессии я остался один в комнате для пересдачи экзамена по математике. Все разъехались по домам, а я сидел и усиленно решал примеры по математике; зубрил формулы, логарифмировал, дифференцировал и т. д.